

1.

Узкая прибрежная полоса была похожа на дорогу. У самой воды, прямо на фоне угасающего солнечного шара, прыгал на одной ноге маленький обнаженный атлет. Вода никак не выходила из уха. Он прыгал и бормотал что-то неразборчивое, а может быть, напевал, а может быть, всхлипывал, пританцовывая и бубня:

Воспитанный под барабаном...
Наш царь... лихим был капитаном...
Он, ловко изогнувшись, пустил камень по воде, схватил палку и побежал в гору.

Над обрывом шла босая девица с вязанкой хвороста за спиной. Она услышала треск кустов дикой акации и увидела: сначала губастое лицо черта, потом он весь вылез из кустов и остановился, и поманил ее.

— Иди сюда, — тихо сказал он. — Ну иди же, — и закричал: — Ага! Улю-лю!

Она припустилась еще быстрее, но у самого поворота дороги все-таки нашла в себе силы оглянуться: этот кудрявый натягивал штаны и кричал, и рожу корчил. Потом страшно захохотал.

Она скрылась за поворотом. А он пошел по дороге следом.

Шел и бубнил:
— Ну не дура ли? Такой вечер. Вот дура. Счастья своего не понимает!

2.

Менуэт звучал чересчур торжественно. Сухое мужественное лицо графа Воронцова выглядело несколько усталым. Он говорил вполголоса, по-домашнему; — да, талант есть у него, конечно. Но если бы этот талант на пользу делу, а не для возбуждения молодых людей! Определенных молодых людей, вы понимаете?

Александр Сергеевич медленно поднимался по лестнице. Черный фрак на нем был безукоризнен. Небрежно повязанный галстук придавал костюму еще большую изысканность. Александр Сергеевич шел, стараясь казаться выше и значительней. А голос Воронцова продолжал звучать:

— ... эти молодые люди еще не нашли своей дороги, они

еще не видят, в чем состоит их истинный долг, их горячие умы пока заняты стихами Александра Сергеевича, а не делом... а не делом.

Пушкин медленно восходил по лестнице. В конце первого лестничного марша — лакей-исполнин. Александр Сергеевич голову задрал, чтобы увидеть его каменное лицо. Усмехнулся. Качнул головой. Пошел еще медленнее.

На лице у графа не было ни досады, ни горечи. Он был спокоен.

— Дело, — сказал он, — делать надо, а не болтать. — И улыбнулся. — А уж сделав... — И снова улыбка. — И тогда браво, господа сочинители.

Александр Сергеевич остановился в дверях. И сразу же погружился в музыку, в аромат духов, в шелест платья, в расслабленность. Он закружился на мгновение. Когда открыл глаза — перед ним возникла Амалия Ризнич, похожая на юную мадонну, вкусившую от прелестей мирских. Она двигалась в паре с Собаньским. Тот танцевал, не сводя с нее многоопытных глаз. Даже торжественность менюэта не мешала ему широко улыбаться ей, показывая крупные белые зубы. Улыбка баловня и удачника.

Амалия мельком взглянула на Александра Сергеевича. Он нахмурился демонстративно.

Граф стоял у колонны, окруженный своими помощниками. Они все были высоки и красивы, как на подбор.

Музыка стихла. Амалия проплыла мимо. Александр Сергеевич поклонился ей. Вдруг сказал быстро, полусшепотом:

— Следующий танец мой.

— Следующий? Нет, нет, — она покачала головой, но улыбка

Булат Окуджава при участии Ольги Арцимович

Частная жизнь или Пушкин

налась, словно позволила надеяться.

Александр Сергеевич медленно двинулся через зал, туда, где стоял Воронцов.

...Поклон поясной, поклон грудной, кивок, поклон с улыбкой, поклон отчужденный, и снова — кивок, кивок, кивок приятельский, кивок пренебрежительный, кивок равнодушный, поклон с подобострастием, поклон с достоинством.

— Пушкин, — сказал поручик Жаев восхищенно. — Я как узнал, что он в Одессе, у меня руки задрожали.

Александр Сергеевич медленно удалялся.

— Какой он, а Туманский?

— Ты же видел его, — засмеялся Туманский. — Поэт.

— Представь меня, бога ради, Туманский, — сказал поручик. — Ведь уеду, и опять словом с ним не перекинусь. Да ты скажи, какой он, а?

— Поэт, — сказал Туманский уклончиво.

Александр Сергеевич стоял в глубине зала. Брунов поглядел через плечо.

— Не нравится, мне все-таки этот Пушкин, — сказал жене.

— Зато комильфо, — она следила за каждым шагом Александра Сергеевича. — И умеет, умеет... Петербург! — пропела она. Спыхватилась: — Конечно, ему есть когда собой заниматься. Он ведь не служит так упоенно, как ты.

— О господи! — сказал он раздраженно. — На мне вся канцелярия держится. А он — кто? И вообще на месте его сиятельства я бы его в остроге держал.

Грянула мазурка. Капельмейстерская лысина на хорах качивалась. Александр Сергеевич едва проскочил водоворот. Вокруг уже кружились, скакали в мазурке.

Группа вокруг Воронцова растаяла. Александр Сергеевич поклонился графу. Граф ответил. Возле глаз сощурились добрые морщинки. «Красив, черт!» — подумал Александр Сергеевич. Граф медленно удалялся под руку с Казначеевым.

Пушкин подошел к Александру Раевскому и Липранди.

— Ты не танцуешь? — спросил Раевского.

Раевский не ответил. Смотрел на Пушкина в упор с усмешкой.

Александр Сергеевич поморщился болезненно, сказал:

— Лучше ни о чем тебя не спрашивать, ей-богу. Все сразу становится жалким и ничтожным.

— А мы как раз и говорили с Раевским, как все ничтожно, — усмехнулся Липранди и посмотрел на Раевского. — Впрочем, мы упускаем весьма благоприятную возможность...

— А ты почему не танцуешь? — спросил Раевский.

Но Пушкин живо обернулся к Липранди:

— Какую возможность?

— Пока лев дремлет, козы бегут к пруду, сказал Липранди рассеяно.

Александр Сергеевич посмотрел в зал. Амалия Ризнич отплясывала с Собаньским.

— Этот Собаньский был бы заурядным гусаром, если бы не был так богат, — услышал он за спиной голос Раевского. Но не повернулся. Черный локон бился о смуглую щеку Амалии. Она заметила его взгляд, кивнула ему и восторженно засмеялась Собаньскому. Вдруг глаза ее встретились с глазами графа. Она потупилась.

— Что-то мне все это стало надоедать, — сказал Раевский, — в Петербург уехать что ли? Послушай, Александр, а что это Брунов так на тебя косится? Возьму и укачу. Завтра же.

У Александра Сергеевича дрогнули губы:

— Счастливчик ты! — сказал искренно: — «возьму и укачу!» — и шутовски гримасничая? — Кто б меня укатил, маленького бедняцкого изгнанничка? Ба! А не вступить ли мне в тайное общество? Не может быть, чтоб в Одессе не было тайного общества! — он говорил все это, паясничая, но в глазах его, обращенных к Липранди, был вопрос.

— От разговоров о воде мельница не заработает, — сказал Липранди хмуро.

Воронцов слушал Казначеева, слегка улыбаясь.

Медленно приблизился Марини. Он высок. На холемом лице — два больших наивных глаза. На губах едва заметная плутоватая улыбка. Постоял. Помолчал учтиво. Еще приблизился.

— Вот ведь у Павла Яковлевича орден Святой Анны! — сказал Воронцов Казначееву, и они оба повернулись к Марини.

— Кто бы мог подумать! Блестящий кавалер.

Марини учтиво поклонился. Даже несколько более, чем следовало. Длинный палец его коснулся ленты орденовской.

— И для Святого Владимира местечко осталось, — сказал

Фрагменты

он и легко провел ладонью по лацкану фрака, словно стряхнул пылинку. И сделал шаг почти вплотную к графу. Казначеев за его спиной возмущенно пожал плечами.

— О! — улыбнулся Воронцов и отошел, словно не понял намека.

— Граф милостиво принял вашу шутку, — не очень учтиво заметил Казначеев.

— Зачем же шутку? — обиделся Марини.

Амалия Ризнич продолжала кружиться с Собаньским. Александр Сергеевич грыз ногти.

— Вот уж не думал, что Одесса нас сведет! — сказал Жаев Пушкину.

— А что за охота привела вас сюда из Киева, в эту пыль? — спросил Александр Сергеевич.

— Охота к перемене мест, — сказал Жаев, так и разглядывая Пушкина.

— Ну уж рассказывайте, — засмеялся Пушкин. — Такие, как вы, просто так не ездят, — и погрозил пальцем.

— А у меня такой табак, такой табак! — словно заговорщик, пригнувшись, сказал Липранди. — До утра не перекурить. Не лучше ли ко мне?

— Пожалуй, — сказал Александр Сергеевич, — мне выговориться надо. И вообще у меня такое чувство, будто завтра что-то произойдет. Жаеву: — А что у вас в полку, ничего не слышно? Говорят: накалено все. Только пламя поднеси.

— Да? — удивился Жаев.

— Будто вы не знаете! — сказал Пушкин.

— Вы слишком хорошего мнения обо мне, — уклончиво отозвался Жаев.

— Едемте ко мне, — настойчиво сказал Липранди. — Здесь не место для таких разговоров.

— Да, да, поедемте, — сказал Пушкин Жаеву. — Мне так хочется поговорить с вами откровеннее.

— Батюшки, — усмехнулся Раевский. — Говорить? О чем? Кому какая конституция нужна? Или о польских повстанцах? Одесса просто помешалась на этих разговорах!

— Ну можно поговорить о плечиках мадам Ризнич, — хмуро заметил Липранди.

— Плечики нужно обнимать, — сказал Раевский, смеясь.

— А вы знаете, — сказал Туманский, пытаясь смягчить разговор, — закрыли газету. Велено закрыть за неблагонадежность.

— Знаем, знаем, — сказал Липранди. — Поехали... Ну?

— А вот и еще повод взбеситься, — сказал Пушкин. — Куда бежать от этих нравов?! Единственная газета в этом просвещенном болоте, и ту...

— Далась вам эта газета, — сказал Раевский, зевнув, — какая разница?

— Скоро на театре повесят объявление, — зло сказал Пушкин. — Требуется, мол, мерзавец на роль порядочного человека.

Жаев засмеялся.

— А если не найдется?

— Тогда и театр повелят закрыть, как газету, — сказал Александр Сергеевич.

Он еще раз взглянул на Амалию, чертыхнулся про себя и пошел прочь.

Почти вбежал в маленькую залу и на мгновение замер: за роялем сидела Леночка Бларамберг и едва касалась пальцами клавиш. Оркестр из большой залы заглушал ее игру.

Тогда Александр Сергеевич плотно затворил двери.

Леночка играла Шопена.

Напряжение и досада схлынули с лица Александра Сергеевича. Он подошел к ней, поклонился.

Она вспыхнула вся.

— Там скучно, — кивнул он на дверь. — Хотя шуму много.

— Вы у нас совсем бывать перестали, — сказала она, не поднимая головы. И вдруг посмотрела на него внимательно. — Вы огорчены чем-то?

— Что вы, — засмеялся он. — Я рад побыть с вами. — Вы, Ле-

ночка, прелесть. М

как я рвался! — Бог

— Вы же не вери

— Я?! — обиделся

ните, мы Байрона

Она кивнула.

— Вот кто моя ж

и умели понять. —

— А друзья ваши

— Друзья мои

он. — И надменный

Он смотрел на н

шла смущенность.

— Я непременно

непрерывно. Вы п

Голова ее склон

— Вы уже танце

Она хороша, не пр

Он махнул руко

его лицо.

И так он смотре

взгляд его остано

княгиню Вяземску

Вера Федоровна

ворожительная.

Александр Серг

— Вот друг, мой

И стремительно

Он очень ловко

— Княгиня, вот е

лучшего друга...

Княгиня была ч

Брунов сказал х

— Нет, ты тольк

Он так кичится ст

— Да что ты! — ск

сто она ему покр

Александр Серг

— Она не хочет

— Вы разгорячен

на вас ушат холо

— Уж вы ей зад

ич.

Амалия проплы

— Я должна ва

сущаются над на

век! Как вы умеет

— Что с вами, д

Сергеевич.

— Ради бога, А

бы... идемте завт

— Молитесь? — у

— Я слышала ра

— Вот если бы Б

с вами — хоть к Бо

— Все ваши пет

на рожон, — сказа

— Господи, да я

— Понимаете, А

обстановке...

— Но ведь долж

— Вы можете п

Ваши друзья...

— Ну чего они от

лись!

Она коснулась

уже улыбался рас

— Княгиня, голу

Вдруг он увиде

ронцов с женой Е

нился в лице. Всп

ко княгиня успела

... Листок бума

Он попадал в рук

Воспитанный по

Женские руки

Мужские торопли

стороженно.

Наш царь лихим

Под Аустерлиц

Лица выражали

В двенадцатом

Александр Сер

— Наконец и я д

сто с ума сходил,

Вот уж не думал,

Амалия запрок

в него мельком: с

жен.

— У вас какое-т

зал он.

— А разве это п

— Я хочу, чтобы

жала плечами уд

ни? (Она прикры

ну. (Брови ее взл

ная улыбка). Я в

стрелю его! (Она

те ночью к монас

Этот Собаньский был бы зурядным гусаром, если бы не так богат,— услышал он за спиной голос Раевского. Но она заметила его взгляд, кивнула ему и восторженно неслась Собаньскому. Вдруг глаза ее встретились с глазами графа. Она потупилась.

— Что-то мне все это стало надоедать,— сказал Раевский.— Петербург уехать что ли? Послушай, Александр, а что это нов так на тебя косится? Возьму и укачу. Завтра же. Александра Сергеича дрогнули губы:

— Счастливчик ты!— сказал искренно:— "возьму и укачу!"— утovsky гримасничая:— Кто б меня укатил, маленького ченького изгнанничка? Ба! А не вступить ли мне в тай-общество? Не может быть, чтоб в Одессе не было тай-общества!— он говорил все это, паясничая, но в глазах обращенных к Липранди, был вопрос.

От разговоров о воде мельница не заработает,— сказал Липранди хмуро.

Воронцов слушал Казначеева, слегка улыбаясь. Недалеко приблизился Марини. Он высок. На холоне — два больших наивных глаза. На губах едва заметная оватая улыбка. Постоял. Помолчал учтиво. Еще при-лился.

Вот ведь у Павла Яковлевича орден Святой Анны!— ска-Воронцов Казначееву, и они оба повернулись к Мари-Кто бы мог подумать. Блестящий кавалер.

Марини учтиво поклонился. Даже несколько более, чем довало. Длинный палец его коснулся ленты орденской. И для Святого Владимира местечко осталось,— сказал

Жизнь и Пушкин

Фрагменты

легко провел ладонью по лацкану фрака, словно стрях-пылинку. И сделал шаг почти вплотную к графу. Казна-за его спиной возмущенно пожал плечами.

О!— улыбнулся Воронцов и отошел, словно не понял на-а.

Граф милостиво принял вашу шутку,— не очень учтиво етил Казначеев.

Зачем же шутку?— обиделся Марини.

Амалия Ризнич продолжала кружиться с Собаньским. Александр Сергеич грыз ногти.

Вот уж не думал, что Одесса нас сведет!— сказал Жаев кину.

А что за охота привела вас сюда из Киева, в эту пыль?— осил Александр Сергеич.

Охота к перемене мест,— сказал Жаев, так и разглядыв-Пушкина.

Ну уж рассказывайте,— засмеялся Пушкин.— Такие, как просто так не ездят,— и погрозил пальцем.

А у меня такой табак, такой табак!— словно заговорщик, нувшись, сказал Липранди.— До утра не перекурить. Не же ли ко мне?

Пожалуй,— сказал Александр Сергеич,— мне выгово-ся надо. И вообще у меня такое чувство, будто завтра то произойдет. Жаеву:— А что у вас в полку, ничего не шно? Говорят: накалено все. Только пламя поднесть. Да?— удивился Жаев.

Будто вы не знаете!— сказал Пушкин.

Вы слишком хорошего мнения обо мне,— уклончиво ото-ся Жаев.

Едемте ко мне,— настойчиво сказал Липранди.— Здесь место для таких разговоров.

Да, да, поедемте,— сказал Пушкин Жаеву.— Мне так хо-ся поговорить с вами откровеннее.

Батюшки,— усмехнулся Раевский.— Говорить? О чем? у какая конституция нужна? Или о польских повстан-? Одесса просто помешалась на этих разговорах!

Ну можно поговорить о плечиках мадам Ризнич,— хмуро етил Липранди.

Плечики нужно обнимать,— сказал Раевский, смеясь.

А вы знаете,— сказал Туманский, пытаясь смягчить раз-р.— закрыли газету. Велено закрыть за неблагонадеж-ь.

Знаем, знаем,— сказал Липранди.— Поехали... Ну?

А вот и еще повод взбеситься,— сказал Пушкин.— Куда ать от этих нравов?! Единственная газета в этом про-ценном болоте, и ту...

Далась вам эта газета,— сказал Раевский, зевнув,— ка-разница?

Скоро на театре повесят объявление,— зло сказал Пуш-Требуется, мол, мерзавец на роль порядочного чело-а.

Жаев засмеялся.

А если не найдется?

Тогда и театр повелят закрыть, как газету,— сказал Але-др Сергеич.

И еще раз взглянул на Амалию, чертыхнулся про себя и ел прочь.

Сичи вбежал в маленькую залу и на мгновение замер: за лем сидела Леночка Бларамберг и едва касалась паль-и клавиш. Оркестр из большой залы заглушал ее игру, да Александр Сергеич плотно затворил двери.

Леночка играла Шопена.

Внезапное напряжение и досада схлынули с лица Александра Сер-а. Он подошел к ней, поклонился.

Она вспыхнула вся.

Там скучно,— кивнул он на дверь.— Хотя шуму много.

Зы у нас совсем бывать перестали,— сказала она, не под-агор головы. И вдруг посмотрела на него внимательно.— огорчены чем-то?

Что вы,— засмеялся он.— Я рад побыть с вами.— Вы, Ле-

ночка, прелесть. Мне все недосуг было к вам заехать, а уж как я рвался— Бог свидетель.

— Вы же не верите в Бога.

— Я?!— обиделся он, но засмеялся, махнул рукой.— А пом-ните, мы Байрона читали?

Она кивнула.

— Вот кто моя жизнь!— воскликнул по-детски. Вы одна это и умели понять.— поправился: умеете.

— А друзья ваши?— спросила она, еще сильнее покраснев.

— Друзья мои холодны как римские патриции,— сказал он.— И надменны...

Он смотрел на нее с удивлением и радостью. Ее лицу так шла смущенность.

— Я непременно приеду к вам,— сказал он.— Ну просто все-непременно. Вы прелесть.

Голова ее склонилась еще ниже.

— Вы уже танцевали с госпожой Ризнич?— спросила она.— Она хороша, не правда ли?

Он махнул рукой, и выражение досады снова испортило его лицо.

И так он смотрел на кружащуюся в танце Амалию. Потом взгляд его остановился на распахнутых дверях. Он увидел княгиню Вяземскую.

Вера Федоровна легко шла через залу, некрасивая и об-ворожительная.

Александр Сергеич просиял весь.

— Вот друг, мой— самый лучший!

И стремительно двинулся навстречу.

Он очень ловко поцеловал протянутую ему руку.

Александра Сергеича, в Одессе

киноповести

— Княгиня, вот ей-богу, если бы вы не были женой моего лучшего друга...

Княгиня была чем-то встревожена.

Брунов сказал жене, не меняя выражения лица:

— Нет, ты только погляди. Как будто у них створ тайный. Он так кичится столичными связями.

— Да что ты!— сказала она.— Все это тебе мерещится. Про-сто она ему покровительствует. Она душенька.

Александр Сергеич кивнул Вяземской на Амалию:

— Она не хочет со мной танцевать! Каково?

— Вы разгорячены балом, Александр, но я должна вылить на вас ушат холодной воды.

— Уж вы ей задайте,— капризно сказал Александр Серге-ич.

Амалия проплыла мимо, кокетливо улыбнувшись.

— Я должна вас предостеречь,— сказала княгиня.— тучи сгущаются над нашей бедной головошкой. Что вы за чело-век! Как вы умеете заставить всех себя ненавидеть.

— Что с вами, душа моя?— всплеснул руками Александр Сергеич.

— Ради бога, Александр, сделайте что-нибудь. Ну хотя бы... идемте завтра со мной к обедне.

— Молись?— удивился Пушкин.

— Я слышала разговор...

— Вот если бы Бог помог мне в Петербург удрать. Впрочем, с вами— хоть к Богу, хоть к черту.

— Все ваши петербургские друзья умоляют вас не лезть на рожон,— сказала Вера Федоровна.

— Господи, да я же ничего такого не делаю!

— Понимаете, Александр, сейчас в городе, в этой сложной обстановке...

— Но ведь должен же я защищаться!— почти крикнул он.

— Вы можете повредить себе,— сказала она участливо.— Ваши друзья...

— Ну чего они от меня хотят, враги и друзья? Как сговори-лись!

Она коснулась его руки ладонью, чтобы успокоить. Но он уже улыбался растерянно, с удивлением, как умел.

— Княгиня, голубушка, дайте мне еще раз в долг, а?

Вдруг он увидел, как из двери в дверь прошествовал Воронцов с женой Елизаветой Ксавьерьевной. Он сразу изме-нился в лице. Вспыхнул весь. Но лишь на мгновение. Одна-ко княгиня успела это заметить.

... Листок бумаги порхал по рукам. Он напоминал птицу. Он попадал в руки, дрожал, бился и снова упархивал.

Воспитанный под барабаном...

Женские руки обращались с ним энергичней и вольней. Мужские торопливей, с дрожью, словно оглядывались на-стороженно.

Наш царь лихим был капитаном:

Под Аустерлицем он бежал...

Лица выражали страх и досаду, и тайный смех, и гнев.

В двенадцатом году дрожал...

Александр Сергеич кружился с Амалией.

— Наконец и я дождался своего танца,— сказал он.— Я про-сто с ума сходил, пока вы с этим Собаньским.— и с обидой:— Вот уж не думал, что вы так тщеславны!

Амалия запрокидывала голову, смеялась, вглядывалась в него мельком: старалась увериться— вконец ли он повер-жен.

— У вас какое-то бешеное желание всем нравиться,— ска-зал он.

— А разве это плохо?

— Я хочу, чтобы это касалось одного только меня. (Она по-жала плечами удовлетворенно). Завтра вы будете у обед-ни? (Она прикрыла глаза). Вы узнаете одну страшную тай-ну. (Брови ее взлетели). Я не могу без вас. (Снисходитель-ная улыбка). Я вызову этого Собаньского на дуэль и при-стрелю его! (Она рассмеялась загадочно). Амалия, поедем-те ночью к монастырю. Вдвоем? А? Я и вы.

— Александр Сергеич...— проговорила она расслабленно, почти касаясь щекой его щеки.

... Листок бумаги трепетал в руках Казначеева, Казначеев был огорчен.

Наш царь лихим был капитаном...

— Ах ты боже мой. Ну зачем он это?

Амалия стояла у колонны, слегка наклонившись к Пушки-ну. Он что-то говорил ей оживленно.

...Листок лежал на ладони у Липранди.

— Опплеуха!— позлорадствовал он.

— Он думает, что человечество,— сказал Раевский,— толь-ко и ждало этих строк, чтобы очиститься.

— Не исключено,— сказал Липранди, словно самому себе.

А Пушкин сказал Амалии театрально:

— Когда Собаньского нет рядом, я спокоен. С чего бы это?

... Градоначальник граф Гурьев танцевал, обливаясь по-том. В глазах его стояла тоска. Высокий воротник врезался в подбородок и утопал в его мякоти.

— Когда мы стояли под Лейпцигом,— сказал он своей даме, пытая,— был я молод, в седле сидел, как влитой. А вот на-до же... То да се, моя милая. Я уж и так стараюсь меньше есть.

Дама оглядела Гурьева критически.

— Я хлебосолен чертовски,— засмеялся Гурьев. Он ловко, несмотря на вес, крутанул свою даму, чтобы обвести Пуш-кина.

— Александр Сергеич плечом обязательно заденет,— про-пытал Гурьев.— А вид-то делает, куда там!

Дама оглянулась вслед Пушкину.

— Александр Сергеич,— тихо сказала Амалия. Он не обернулся.

— Да, да,— проговорил машинально.

Воронцов дочитал листок. Аккуратно сложил его. Спря-тал. Поднял глаза. Увидел Пушкина. Проследил за его взглядом. Елизавета Ксавьерьевна смотрела на Пушкина. У графа морщинка на лбу шевельнулась.

Амалии уже не было рядом.

Оркестр молчал. Все сгруппировались по стенам. Алек-сандр Сергеич очутился посреди зала один.

3.

Служба закончилась.

Пушкин шел к выходу рядом с Верой Федоровной.

И когда в широко распахнутую церковную дверь ворва-лось солнце, Вера Федоровна, благодаря, пожала руку ему и поощрительно кивнула, словно сказала: "Ну вот видите, как все просто и прекрасно!"

— Я вам очень признателен, что вы заставили меня сюда прийти,— сказал Пушкин, и в глазах у него заиграл бес.— Я тут увидел такую красавицу... Вот как бы дознаться, кто она?

"Он неисправим..."— подумала Вяземская, но промолчала и лишь вздохнула.

4.

Никита вошел с кофейником и чашкой и остановился: стулья стояли не на месте, на столе были наворочены горы бумаги, книги. Александр сидел в постели по-турецки, в ночной сорочке. Писал. Тонул в бумагах. Перья сломанные валялись здесь и там. Свечу погасить он забыл. Она почти вся сгорела. Пламя с копытю качалось перед носом бари-на.

Никита шумно вздохнул.

— Я вам кофею...

Перо остановилось. Но на Никиту не поглядел.

— Подавать, что ли?

Александр Сергеич перо высоко подбросил.

— Господин Козлов, а ведь удалась сценка!

— Вот кофей,— сказал Никита.

— Балбес,— сказал Александр Сергеич в сердцах.— Нет бы обрадоваться.

— Не хотите, не надо. Я и унести могу,— равнодушно ска-зал Никита.

— Ну давай, давай,— Александр Сергеич поудобнее устро-ился так, чтобы в окно глядеть. Отхлебнул.

Букин стоял на улице спиной к Александру Сергеичу. По-том медленно двинулся и исчез.

— Может, вы, господин Козлов, хоть листы уберете?

— Отчего ж не убрать?— и Никита собрал листы.

В домике через улицу отворилась дверь. Вышли двое: высокий старик в линялой польской конфедератке, с ним поникая женщина. Она слушала его, кивала, потом тороп-ливо пошла прочь.

— Давеча этот приходил... из лавки книжной...— сказал Ни-кита.

— Ну?

— Денег требует.

Старик стоял, прислонясь к забору. Курил трубку. Девуш-ка с порога позвала его по-польски. Они были очень похо-жи. Пушкин удивился. Дверь захлопнулась.

— Ну?

— Вот и ну...— сказал Никита.

Александр Сергеич отставил кофе. Никите горько было лицо его видеть.

— Никита,— сказал Александр Сергеич,— родитель мой де-нег нам не шлет,— и указал на гору конвертов запечатан-ных:— На-ка вот, письма отправь.— Без денег, господин Ко-злов, худо. Вы понимаете? Как жить, господин Козлов?

— Если опять придут, чего говорить?— спросил Никита с грустью.

— Скажи, что без книг мне нельзя. А денег у меня нет. Уж как он хочет, черт!

Девушка стояла на пороге своего дома. Золотые волосы ее рассыпались по плечам. Александр Сергеич сплону про-лотил.

(Окончание на 16-й странице).

(Окончание. Начало на 8-9 страницах).

5.

В коляске покачивала головой Амалия Ризнич. Красивая серая лошадь торжественно гарцевала по мостовой. Амалия кивнула Липранди.

— Неужели это— предмет его страсти?— скривился Жаев, провожая коляску взглядом.

— Не думаю,— сказал Липранди.— А впрочем... Да разве его поймешь?— Он глянул на поручика. Тот стоял, опустив голову.

— Далось тебе это,— сказал Липранди.

— Послушай,— сказал Жаев,— какое все-таки счастье, что ты можешь связать меня с поляками из эмигрантов. Без этого я не могу вернуться в полк.

Липранди пожал плечами. Не ответил. Коляска с Амалией удалялась.

— Неужели это— предмет его страсти?— сказал Жаев снова.

— Да что ты в самом деле!— удивился Липранди.— Ну что тебе в нем? Игрушку нашел.

Поручик рассмеялся невесело.

6.

Александр Сергеич сидел в пролетке. Рукой коснулся спины кучера:

— Слышал, Береза, Байрон умер?

— Царство небесное,— сказал Береза, не оборачиваясь.

— Вдали от родины погиб. Погиб.

— Сидел бы дома,— равнодушно сказал Береза.

Пушкин невесело рассмеялся.

— Глуп ты все-таки. Он свободу другим добывал.

— А я и так свободный,— откликнулся Береза, и, помолчав:—

Вашество, вы когда платить мне будете? Целый месяц я вам удовольствие делаю. Извольте деньги платить.

— Останови,— вдруг приказал Александр Сергеич.

Спрыгнул и направился к воротам неказистого дома. Остановился, спросил:— Или не веришь мне?

Береза покосился на палку Александра Сергеича.

— Скоро деньги у меня будут— заплачу. А пока жди.

7.

Михаил Иванович Лекс, жалкий немолодой чиновник, в убогой коморке своей как раз в этот момент подносил к губам глиняную кружку с вином. Вдруг в дверь постучали, часто и требовательно.

— Да входите, батюшка, сказал Лекс.— Я ж вас узнал.

Александр Сергеич поклонился низко и прямо с порога привычно, но не слишком задорно процитировал себя самого:

— Михайло Иванович Лекс:—

Прекраснейший человек-с...

И палку прислонил к стене.

— А в глазах у вас грусть,— сказал Лекс.

Александр Сергеич привалился к стене и сразу переменялся, погас.

— Я к вам, утешения искать. Байрон умер, Михайло Иванович...

Лекс вздохнул и не ответил. Протянул кружку с вином. Пушкин взял и не пригубил.

— Михайло Иванович, вам хорошо живется?

— Шутник вы, Александр Сергеич,— Лекс плутовато прищурился.

Пушкин сказал:

— Я пленник...— расплескал вино в волнении.— Живу по прихоти других. Разве я не у себя в отечестве?

Байрон умер. Я молился на него, а он умер.

А кому-то ведь это радость, а Михайло Иванович?

— Вы пейте, пейте!— сказал Лекс суетливо.

Глаза его были круглы и по-детски светились расположением. И на испитом лице казались чудом.

— Вы молоды,— сказал Лекс так, словно посмеялся,— жизнь у вас веселая... даром, что дворянин. А я вам, сударь, вот что скажу: во вторник-то не забудьте в канцелярии быть.

Торжества-с...

Царские именины, Александр Сергеич.

— Шутник вы, Михайло Иванович,— сказал Пушкин, отмахнувшись.— Ноги моей там не будет!

— Пейте, пейте— вздохнул Лекс.— Сразу игра воображения увеличивается.

— От батюшки завишу,— сказал Пушкин,— от царя тоже, от толков и всякого вздора.

— Я в этих делах, батюшка,— сказал Лекс наивно,— ничего не понимаю. А мне вот не зависть нелзя. Привык-с. Куда я без зависимости?— он прищурился.— Вот и судите сами. Да вы пейте.

— А знаете, куда я еду сейчас?— вдруг спросил Пушкин.—

Еду в церковь, Михайло Иванович. Вот уж все удивятся, что я по своей воле в церковь, а? А вы знаете, зачем я туда?

Панихиду по Байрону заказывать.

— Господь с вами,— изумился Лекс.— Кто ж вам позволит?

— А вот увидите,— сказал Пушкин и не то хохотнул, не то всхлипнул, и стал обнимать Лекса.— А мне нужна независимость, и деньги нужны... вот так,— и провел по горлу.— Прощайте, прекрасный человек-с.

8.

...А дьякон тянул с хрипотцой:

— Упокой, господи, душу...

Булат Окуджава
при участии
Ольги Арцимович

Частная ЖИЗНЬ Александра Сергеича...

Все молились, Александр Сергеич стоял между Липранди и Раевским. Народу в церкви было не очень много. Все свои...

—...раба твоего боярина Георгия!..

Липранди усмехнулся и ладонь Александру Сергеичу положил на плечо.

— Кабы он знал, боров, по ком панихиду-то служит,— сказал шепотом.

9.

Воронцов поцеловал Елизавету Ксавьерьевну в лоб.

Она сидела в халате перед зеркалом, за вечерним туалетом.

— Элиз,— сказал он, с удивлением глядя на нее,— жизнь так коротка, а мы так беспечны. Я словно впервые вижу вас.

— А вы так редко сентиментальны,— улыбнулась она.—

Это грустно, Мишель. Но я понимаю, — она заторопилась,— вы себе не принадлежите.

Он стоял над ней, склонив голову, словно впервые наблюдал, как мягко суетятся ее руки, отшпиливая, распуская, укладывая.

И вдруг он услышал откуда-то из глубины сознания:

...Воспитанный под барабаном...

Он вздрогнул, поморщился. А голос продолжал звучать и, казалось, растекался уже по всей комнате...

...Наш царь лихим был капитаном...

— Я все-таки не думаю, чтобы это могло принадлежать Пушкину,— сказал он раздраженно.

Наступила тишина.

— Что?— торопливо спросила она. —

Что Пушкину?

— Эти нынешние строки о государе...

Пальцы ее остано- вились. Замерли.

... Наш царь лихим был капитаном...

Голос возник снова.

Граф нервничал.

— Спокойной ночи, дорогая,— сказал он рассеянно. Она подставила ему лоб.

... Под Аустерлицем он дрожал!..

крикнул голос.

Граф размахисто шел по комнатам. Они были полутемны.

Кое-где горели свечи. В тишине гулко отпечатывались его шаги. И вдруг:

...Воспитанный под барабаном,

Наш царь лихим был капитаном...

Он ускорил шаги и почти вбежал в кабинет. Захлопнул дверь.

В кабинете стояла вкрадчивая ночная тишина. Он снял мундир. Медленно прошел за стол, сел, взял книгу с закладками, поворошил мелко исписанные листы. Взял перо.

...наш царь лихим был капитаном...

возникло снова. Он тряхнул головой, но голос продолжал с упоением:

...Под Аустерлицем он дрожал,

В двенадцатом году бежал...

Граф отшвырнул книгу. Отодвинул листы. Взял один, чистый. Стал торопливо писать, часто перечеркивая.

Уже несколько голосов звучало:

...Под Аустерлицем он... Наш царь... воспитанный... наш царь... под барабаном бежал... бежал... дрожал... бежал...

Голоса смешивались, перебивали друг друга.

Рука графа выводила:

... но теперь уже совершенно здорова...

Что касается... господина Пушкина, кажется, вы были правы: он показывает коготки... Поначалу я был добр с ним.

Он, по-видимому, не пожелал оценить этого... Теперь обстоятельства заставляют меня искать другие меры, отнюдь не без искреннего сожаления...

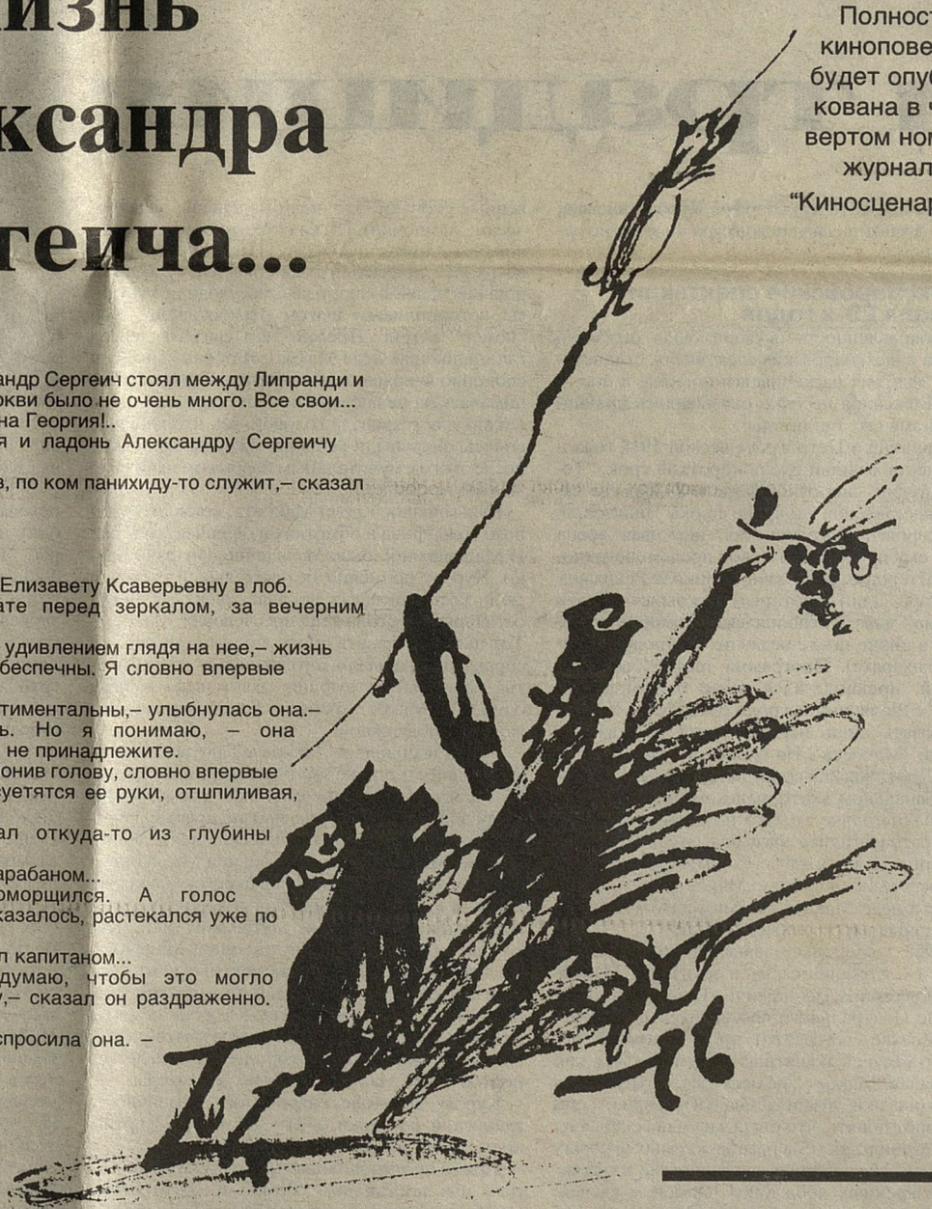
Голоса утихли. Снова стояла тишина. Свеча потрескивала.

10.

Александр Сергеич торопливо записывал на клочке:

“... Я надеялся, что вот уж в Одессе-то, при таком просвещенном либерале, как граф Воронцов, я смогу наконец отдохнуть душою. Ан нет, здесь— то же, что и везде... И куда от этого деваться? Султаны, цари, повелители— большие и маленькие... О господи! Как я устал зависеть от хорошего или дурного пищеварения владык...”

Полностью
киноповесть
будет опубли-
кована в чет-
вертом номере
журнала
“Киносценарии”.

Рисунки А.С.Пушкина и Резо Габриадзе.

Главный редактор А.А.АВДЕЕНКО

Газета сверстана в компьютерном центре «NEW LOOK». Тел. 285-69-19

Отпечатано в типографии издательства «Пресса», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды» 24. Индекс 50182. Тип. № 13386.

Адрес редакции: 101484, ГСП, Москва, ул. Новослободская, 73. Факс: (095) 200-32-25. Телефон секретариата: 285-79-28.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция справок не дает. «Экран и сцена» выходит по четвергам.

Учредитель: журналистский коллектив. Цена свободная. Подписано в печать 26.07.95 г. в 14.00. Тираж 10 000 экз.